

Содержание

<i>Часть 1. Точка экстремума</i>	<i>5</i>
<i>Часть 2. Молот Тора — наизготовку</i>	<i>104</i>
<i>Часть 3. Момент солнцестояния</i>	<i>202</i>
<i>Часть 4. Операция Щит Союза</i>	<i>290</i>

Часть 1

ТОЧКА ЭКСТРЕМУМА

*28 мая 2019 года, 23:45. Московская область,
государственная дача «Ново-Огарево»*

Присутствуют:

Президент Российской Федерации — Владимир Владимирович Путин

Министр обороны — генерал армии Сергей Кужугетович Шойгу

Начальник Генштаба — генерал армии Валерий Васильевич Герасимов

Секретарь Совета Безопасности РФ — генерал армии Николай Платонович Патрушев

Премьер-министр — Андрей Рэмович Белоусов

Министр иностранных дел — Сергей Викторович Лавров

Хоть президент Путин не страдал такой страстью к проведению ночных совещаний с соратниками, как коллега Сталин, повод для неурочной встречи был более чем весомый. Президент, секретарь Совбеза и военные были в курсе, из-за чего случилась эта «тайная вечеря», а гражданские лица пока оставались в неведении. Ведь вроде бы собирались почти в том

же составе всего несколько часов назад, все обговорили — и вот опять.

— Итак, — с мрачным видом сказал Сергей Шойгу, когда все были в сборе, — пару часов назад, пролетая из Японии на авиабазу Петерсон в городе Колорадо-Спрингс, на траверзе Камчатки, примерно в четырехстах пятидесяти километрах от побережья, исчез с радаров самолет сорок пятого президента Соединенных Штатов Дональда Трампа. Судя по отсутствию сигналов бедствия, за исключением тех, что, попав на воду, подает аварийный радиомаяк, катастрофа была внезапной, молниеносной, и при крушении не спасся ни один человек.

— Вот же дерьмо собачье! — едва дослушав сообщение, тихо выругался Сергей Лавров и, подняв голову, заявил: — Теперь начнется такое, что только успевай поворачиваться. Раз катастрофа произошла поблизости от наших границ, значит, в смерти президента Трампа с чадами и домочадцами непременно обвинят Россию.

— Ни один наш боевой самолет в связи с пролетом президентского самолета в небо не поднимался, в системе ПВО тревога не объявлялась, — сказал, как отрезал, генерал армии Герасимов.

— Это, Валерий Васильевич, совершенно неважно, — вздохнул Лавров. — Скажет «Таймс», «Нью-Йорк Пост», «Дэйли Миррор» или, не дай бог, «CNN», — и все, «хайли лайкли», понеслась кавалерия. Трамп по вопросу непосредственного участия Америки в конфликте на Украине держал ногу на тормозе, ибо понимал, что так легко можно доиграться до цугундера. Вся прочая американская элита — что у демократов, что у республиканцев — на тему противостояния с Россией реально больная на всю голову.

— Есть мнение, — не поднимая глаз, сказал Андрей Белоусов, — что американская элита так безумна по российскому вопросу только потому, что с другого конца Град-на-Холме поджигает надвигающийся системный кризис. Конец истории, о котором писал Фукуяма, — это не желаемый западными элитами результат развития мира постмодерна, а его тепловая смерть, наступающая после полной утилизации экономического потенциала, унаследованного от эпохи модерна. Китайцы в этой логике от развитого мира просто отстали, а мы тут, понимаешь, имеем наглость сознательно двигаться в обратную сторону: реиндустриализацию затеяли, экономического роста выше процента инфляции требуем. Эдак пройдет лет ...надцать, Запад вымрет, а мы придем принимать за ним наследство. И не поможет им никакой добровольный цифровой концлагерь, зеленая повестка и прочие модные нынче вещички, о которых вещает господин Шваб, как о неизбежном итоге развития нынешнего мира. Мечтать о таком можно сколько угодно, но пока цела Россия, воплощать это западным вождям просто страшно: приедут на своих железных танках злые русские и разломают зеленый мальтузианский трансгуманизм Шваба точно так же, как они уже два раза до основания ломали такой же человеконенавистнический коричневый национал-социализм Гитлера.

— Трамп тоже был врагом зеленого мальтузианского трансгуманизма, — веско сказал президент, — потому что происходил из рядов классических американских империалистов. Вы полагаете, за это его и убрали?

— Трамп собирался сделать Америку снова великой, — сказал Патрушев, — и не был согласен спалить ее в священном термоядерном огне во славу торже-

ства идеалов того ужаса, в который развился сначала такой безобидный либерализм. Трамп все старался делать за счет так называемых «европейских партнеров», а те визжали и упирались, потому что за семьдесят лет привыкли отсиживаться за широкой американской спиной. Зато часть окружения покойного ныне американского президента, в том числе и вице-президент Пенс, стоят на более либеральных позициях. Цена действий, при помощи которых будет устранена Россия, не так важна. Главное — результат. Еще более радикальные взгляды — у Хиллари Клинтон и прочего руководства Демократической партии, но они смогут прийти к власти только через полтора года, когда конфликт вокруг Украины трансгуманисты уже в основном проиграют.

— Так что же, Николай Платонович, мы теперь попадем в рай, а они просто сдохнут? — с легкой иронией спросил президент.

— Не думаю, Владимир Владимирович, что вопрос теперь стоит именно таким образом, — после некоторой паузы ответил секретарь Совета Безопасности. — Мистер Пенс принадлежит к радикальному крылу республиканской партии и считается последователем отошедшего от дел бывшего вице-президента Дика Чейни. Его для того и сунули в компанию к Трампу, чтобы на крайний случай иметь на скамейке запасных оголтело-агрессивного ястреба. Но эти сторонники Бостонского чаепития тоже отнюдь не самоубийцы. Нулевой вариант с обменом ракетно-ядерными ударами «на все деньги» совсем не в их стиле. Скорее следует ожидать усиления давления на нас по всему фронту: высылка дипломатов, понижение уровня дипотношений, препятствование нашему полноценному участию в деятельности ООН, а также перенос центра тяжести американской политики

со Старой Европы на так называемых младевропейцев. В соответствии с указаниями президента Трампа, госсекретарь Помпео метался между Норвегией, Германией, Францией, Италией и Испанией, но, кроме одобрительных возгласов, уверений в сочувствии Украине и клятв в евроатлантической преданности, не добился от тамошних деятелей ровным счетом ничего. Зато Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния сами так и рвутся в бой, а если американская дипломатия немного постарается, то к ним могут добавиться Финляндия и Швеция, у которых к России давние исторические счеты.

— Покойник Трамп, — сказал премьер-министр, — как настоящий бизнесмен, любил считать деньги, требуя, чтобы европейские государства сами оплачивали свою утилизацию. Мистер Пенс представляет совсем другие круги американского банковского бизнеса, которые не считают, а печатают деньги. На фоне многотриллионного американского госдолга несколько десятков миллиардов долларов, поданных на бедность восточноевропейским нищелюдам, выглядят весьма умеренно, тем более что на эти деньги будет закуплено оружие с американских же складов длительного хранения. Все это добро будет прибывать на передовые базы прямо у нашей границы, накапливаться там, поступать на вооружение местных армий, которые будут опять же содержаться за счет американского бюджета. Вся эта деятельность будет представлять нам угрозу, а вы, товарищи генералы, ничего не сможете с этим сделать, потому что, за исключением Финляндии, все эти страны давно и прочно стали членами блока НАТО, и атака на них будет означать войну со всем Североатлантическим альянсом сразу.

Генералы, включая Патрушева, переглянулись.

— Значит, товарищи, — сказал Валерий Герасимов, — придется нам воевать со всем НАТО сразу. Никто не говорил, что защита Родины окажется легким занятием.

— Вы, Валерий Васильевич, наверное, сошли с ума, если можете заявлять подобное, — возмущенно сказал министр иностранных дел.

— А вы, Сергей Викторович, предлагаете сдать-ся? — спросил Шойгу, исподлобья бросив на Лаврова тяжелый взгляд.

— Ну, не обязательно сдаваться, — смутился министр иностранных дел, — можно ведь начать переговоры...

— С кем переговоры и о чем? — спросил Николай Патрушев. — Если вы имеете в виду Винницкий режим, то там разговаривать просто не с кем, ибо месье Аваков — не партнер по договоренностям, а военный преступник и террорист. Да и не соблюдают эти люди никаких договоренностей, сами могли убедиться за пять последних лет. Если же вы хотите договориться с американцами, то они спровадили в ад мистера Трампа не для того, чтобы вести с вами переговоры. У них тоже нет пути назад, ибо, правильно говорит Андрей Рэмович, мосты у них за спиной уже горят. Так уж устроен мир: или мы их сломаем в этой борьбе, или они нас. И не думайте, что если бы не битва за Донецкие Врата, то все бы обошлось. Совсем нет — по тем же обстоятельствам кризис на том же месте должен был вспыхнуть через три, максимум пять лет. Нам удалось захватить достаточно документальных доказательств, чтобы утверждать это со всей определенностью. Благодаря событиям, связанным с образованием Врат, мы смогли заблаговременно подготовиться и упредить вражеские планы.

— Вся деятельность нашего МИДа, начиная с Карибского кризиса и по сей момент, была посвящена только борьбе за мир и контролю над вооружениями, — с горечью сказал Лавров. — Мы искали компромиссы, потому что иначе могло случиться самое страшное — и вот опять война у нас на пороге, но только на этот раз компромиссов никто искать не хочет.

— Ваши компромиссы на самом деле были неявными отступлениями, — сказал Патрушев. — Вы без боя сдавали одну позицию за другой, но сейчас отступать уже некуда — позади Москва. Теперь осталось только драться, отбирая назад все, что было отдано без боя. Договариваются с сильными и уверенными в себе людьми, а не с теми, кто, даже ввязавшись в драку, постоянно оглядываются, не пора ли им отступать подобру-поздорову. Знаете же прекрасно, Сергей Викторович, что о ваших миротворческих усилиях думает наш народ.

— Значит так, коллеги, — сказал президент, разом прекращая все споры. — Если смерть Дональда Фредовича с чадами и домочадцами и в самом деле не трагическая случайность, а переход к игре на обострение, то и нам тоже надлежит действовать соответствующим способом. Главное, чтобы при этом нас понимали наши союзники-попутчики по ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и БРИКС, а также наш собственный народ, большинство которого живет не в Москве, а по малым городам и весям. В случае каких-либо призывов к крестовому походу на восток Сергей Викторович скажет граду и миру, что, как во времена Гитлера и Наполеона, вся Европа объединилась, чтобы внешне напасть на Россию. Поэтому мы будем воспринимать любое подтягивание сил НАТО к нашим границам как подготовку к вероломному нападению. Со

всеми вытекающими из этого ответными и упреждающими действиями. Поймет публика этот намек — хорошо, не поймет — действовать дальше будут уже Сергей Кужугетович и Валерий Васильевич. А что нам терять, если на нас и так собираются напасть, как Гитлер в сорок первом году?

— Было бы неплохо заблаговременно провести хотя бы частичную мобилизацию, — сказал Шойгу. — Последние два месяца нелегко дались нашей армии: боевой состав, и так не особо многочисленный, понес потери, в том числе и дезертирами, готовыми служить в мирное время, но ни за какие деньги не собиравшимися рисковать жизнью на поле боя, а приток добровольцев никак не возмещает убыли личного состава.

— В том случае, если придется воевать со всем НАТО сразу, мобилизация должна быть уже не частичной, а всеобщей, — сказал генерал Герасимов. — И в то же время надо сказать, что в результате решения о том, что нам нужна компактная профессиональная армия, мы в значительной степени утратили возможность проводить мобилизационные мероприятия. Ну не лежит у нас сейчас на складах все необходимое для того, чтобы принять, обмундировать, вооружить и поставить в строй двадцать миллионов человек, обучить их на полигонах, а потом, снабдив соответствующей боевой техникой, сформировать из них дивизии, корпуса и армии. У стран НАТО дело с этим обстоит еще хуже, но мы-то должны думать о себе, а не о противнике.

— Чтобы объявлять мобилизацию, даже частичную, нужен серьезный повод со стороны вероятного противника, — сказал президент. — Вот если мистер Пенс объявит крестовый поход против схизматиков-

москалей, а вся восточноевропейская шакалья стая примется ему подвывать — только тогда Сергей Викторович приравняет этих господ к Наполеону и Гитлеру, а я издам указ о частичной мобилизации в связи с угрозой агрессии НАТО. А вы, Валерий Васильевич, пока гром не грянул, и мужики еще не начали креститься, выясните и доложите, какое количество мобилизованных мы сможем призвать в ряды, экипировать и обучить, не создавая при этом библейского столпотворения. Как мне докладывали, до недавних пор мобилизационная система у нас дышала на ладан, но господин Сердюков в ходе своей реформы добил ее окончательно.

— Господин Сердюков, как человек, решивший невероятно обогатиться на государственной должности — это одна, чисто криминальная, история, — угрюмо произнес Шойгу. — Спущенная, кстати, на тормозах, ибо тогда было еще не время ворошить осиное гнездо. А вот мобилизационная инфраструктура, полигоны и запасные аэродромы для авиации, казарменный фонд и прочее, финансировавшиеся на десять-пятнадцать процентов от потребности, а также нищенское на тот момент денежное содержание военнослужащих — это вопрос совсем другого порядка. Советское государство контролировало не менее девяноста процентов валового внутреннего продукта и тратило его по своему усмотрению, иногда разумно, но чаще всего не очень. Российская Федерация манипулирует в разы меньшими финансовыми потоками, а все остальное отдано на откуп так называемому отечественному бизнесу. А это люди жадные, не любящие делиться даже в том объеме, что положен по закону, и по большей части все нажитое непосильным трудом до недавних пор складировавшие в западных банках.

— С Сердюковым или без него, — сказал генерал Герасимов, — Российская Федерация нынешнего образца не в состоянии содержать полноразмерную мобилизационную инфраструктуру советского образца, склады, полигоны и казарменный фонд, и одновременно проводить перевооружение, улучшать условия службы военнослужащих и повышать их денежные оклады. Сейчас в дееспособном состоянии фактически находятся только те здания и сооружения, которые обычно используются для обучения военнослужащих срочной службы¹.

— Не густо... — сказал президент, который два раза в год подписывал указы о призыве на срочную службу и потому был прекрасно осведомлен о максимальном объеме частичной мобилизации.

— Можно взять и призвать миллион или два, — сказал Шойгу, искоса посмотрев на президента, — но в таком случае наш обычный бардак превратится в непроходимый хаос.

— Кроме всего прочего, — добавил Герасимов, — боевой состав сухопутных войск на настоящий момент — это двести тысяч военнослужащих контрактной службы, из которых сто пятьдесят тысяч уже находятся в первой линии. Еще сто тысяч солдат и офицеров с боевым опытом пришли к нам с той стороны Врат. Частичная мобилизация практически удвоит состав действующей армии, но только в этом деле есть одна особенность. Солдат или офицер с бо-

¹ На момент прихода Шойгу на должность министра обороны ежегодно через осенний и весенний призыв проходили триста тысяч человек. В дальнейшем, по причине углубления демографической ямы, численность призывников снизилась до ста двадцати тысяч человек на один призыв, но готовность инфраструктуры оставалась на прежнем уровне.

евым опытом стоит трех или четырех мобилизованных или как минимум двух контрактников со стажем, много раз участвовавших в больших учениях и проверках боеготовности. Я бы предложил не формировать из мобилизованных абсолютно новых частей и соединений, потому что, как говорит опыт Красной Армии на начальном этапе войны, на первых порах ценность таких полков и дивизий будет весьма сомнительной. Вместо того после прохождения первоначального обучения мобилизованными необходимо наполнять до штатной численности существующие части и соединения, а дивизии, которые в свое время были усущены до уровня бригад, вновь разворачивать до их исходного состояния. И в таком случае к моменту окончательного завершения подготовки и боевого слаживания мобилизованных мы будем иметь полностью дееспособную действующую армию, а не как придется.

— И в какие же сроки может наступить эта самая полная дееспособность? — спросил президент. — Я этот вопрос, как вы понимаете, задаю отнюдь не из праздного любопытства.

Герасимов переглянулся с Шойгу и ответил:

— По опыту той же Красной Армии, полной боеготовности новосформированных частей соединений удастся достичь за три-четыре месяца с моменты выхода Указа о частичной мобилизации. В случае, если маршевые пополнения из мобилизованных будут наполнять части действующей армии, этот срок может быть сокращен до двух месяцев, при этом большая часть этого времени уйдет на организационные моменты и первоначальную подготовку на полигоне.

— Не забывайте, товарищи, — сказал президент, — что в ближайшее время американцы попро-

буют повторить в Европе Уханьскую историю... Или, быть может, я ошибаюсь, и смерть дорогого Дональда Фредовича говорит нам, что в пресловутом вашингтонском болоте был выбран совсем другой сценарий?

— Мы уже знаем, — хмыкнул Николай Патрушев, — что дорогой Дональд Фредович едва ли был в курсе подготовки к искусственной эпидемии или даже пандемии, а потому для операции, запланированной ЦРУ, его жизнь или смерть имела только косвенное значение. Едва в Европе начнут умирать люди, Америку по соображениям безопасности придется закрывать на карантин, а иначе еще недели через две эта зараза своим ходом доберется и до них. Трамп на это никогда бы не пошел, потому что, как говорил Андрей Рэмович, для него важнее всего деньги, в данном случае прибыли бизнеса, авиакомпаний и прочего. А вот Пенс — не такой упертый. Скажут ему ответственные люди: «Нужен карантин» — и будет карантин, настолько строгий, насколько необходимо. И вот, представьте: в Европе одновременно бушуют и война, и эпидемия, а Америка в это время «в домике», потому что у нее карантин, и отправлять войска до выработки вакцин в болеющую Европу ей никак не можно. И в то же время к нам эту дрянь постараются забросить в как можно большем количестве и напрямую (как и в Китае), а также через возвращающихся из Европы наших туристов.

— Погодите, Николай Платонович, я ничего не понимаю... — взмолился премьер-министр. — О какой искусственной эпидемии вы говорите?

— То, что происходило в Ухане, как раз и должно было стать такой искусственной эпидемией, — с оттенком снисходительности сказал министр иностран-

ных дел. — Руководство ЦРУ планировало биологическую войну не только против Китая, но и против других стран, используя для этого чрезвычайно заразный и смертоносный вирус, специально разработанный американскими биоинженерами-вирусологами в качестве чумы двадцать первого века. Это что-то хорошее сделать сложно, а вот пакость получается легко. По мнению вашингтонских политических воротил, система мировых торговых и межчеловеческих связей должна быть переформатирована, а участвующие в ней страны — ослаблены и запуганы. Следы подготовки этой бесчеловечной операции были обнаружены нашими военными, когда те потрошили американские биологические лаборатории на Украине, и соответствующие документы были переданы китайским товарищам. Вообще-то я бы сказал, что это самый дорогой подарок между неформальными союзниками, потому что, используя полученные сведения, китайская контрразведка сумела схватить американских агентов за руку и предотвратить преступление. Так что события в Ухане — это спектакль чистой воды, помесь венецианского карнавала и празднования китайского нового года, а вот то, что через некоторое время произойдет в Европе, будет уже истинной трагедией.

— Пассажирское авиасообщение с Китаем вы уже закрыли, и наших людей с соблюдением всех норм предосторожности домой вернули, — сказал президент. — Это хорошо. Теперь то же самое нужно предусмотреть для европейского направления, но только имея в виду, что эпидемия в Парижах и Лондонах будет самой настоящей, и люди от нее будут умирать не только в сводках, но и в реальной жизни.

— Вывозные рейсы из Турции и других нейтральных стран, куда еще могут летать наши самолеты,

следует принимать на военных аэродромах и сразу же направлять пассажиров в полевые карантинные лагеря, — сказал Шойгу. — Лето на носу как-никак. Поднять советские нормативные документы, разработанные как раз на такой случай, и исполнять буква в букву, потому что, как и все прочие, эти инструкции написаны чьей-то кровью. В случае всплесков демократического самосознания купировать их следует максимально жестко и решительно.

— Пожалуй, вы правы, — кивнул президент, — и одновременно с объявлением в европейских странах пандемии, невзирая ни на какие крики нашей системной и несистемной оппозиции, будет необходимо ввести по всей стране чрезвычайное положение, возложив всю ответственность по реализации комплекса мер на секретаря Совета безопасности товарища Патрушева. А кто еще сможет с этим справиться, ведь какие карантинные меры ни принимай, рано или поздно зараза все равно пролезет через все барьеры. При этом заводы должны работать, самолеты на внутренних рейсах летать, армия должна воевать, а внутри стране нельзя допускать голода и холода. Да, больше года, пока война шла за Вратами, а потом в ограниченном объеме на территории бывшей Украины, мы старались поддерживать на территории Российской Федерации жизнь «как обычно». Но теперь это время кончилось, и с того момента, как будут сказаны самые главные слова, основным принципом существования нашего государства станет «все для фронта, все для Победы». Вот победим — и тогда поглядим, какой будет наша новая прекрасная жизнь.